

Ф. В. Николаи, А. А. Мордвинов

Концепт «мужество» в воспоминаниях ветеранов локальных войн: на стыке устной истории и феноменологии фронтового опыта

Николаи Федор Владимирович
канд. ист. наук, доц.,
Нижегородский
государственный
педагогический
университет
им. К. Минина
(Нижний Новгород,
Россия)

Мордвинов Александр Александрович
канд. филос. наук,
доц., Приволжский
исследовательский
медицинский
университет
(Нижний Новгород,
Россия)

В современной российской военно-исторической антропологии представления солдат и офицеров о мужестве чаще всего рассматриваются в экзистенциалистском ключе¹. Этот концепт оказывается синонимом храбрости и героизма, линейно соединяя индивидуальное поведение, общественную мораль и задачи национальной мобилизации. В западной историографии преобладает конструктивистская критика мужества как репрезентации гегемонной маскулинности². С этой точки зрения оно служило основной стратегией интерпелляции в массовых армиях XIX — первой половины XX в., а иногда и сегодня навязывается политиками с целью нормализации образа войны в медиа и общественном сознании³. Впрочем, уже с Первой мировой войны такой романтический идеал мужества был поставлен под сомнение представителями «потерянного поколения», а локальные конфликты второй половины XX в. способствовали еще большей его трансформации и подчинению словарю «профессионализма»⁴.

Фиксируются ли подобные изменения в воспоминаниях ветеранов локальных конфликтов в России? Насколько устная история подтверждает экзистенциалистскую или конструктивистскую трактовку мужества/маскулинности? Задачей данной статьи представляется не просто дискурсивный анализ соответствующих

высказываний комбатантов, но, во-первых, выявление их прагматики — неразрывной взаимосвязи с практиками выживания на войне, а во-вторых, анализ корреляций с общими рамками выстраивания нарратива⁵.

Разумеется, подобный анализ должен учитывать особенности полуформализованного интервью как специфического типа источников. В основу данного исследования легли 70 интервью с ветеранами локальных войн, собранных авторами в 2013–2018 гг. в рамках работы лаборатории «Исследования культурной памяти и историческая антропология» Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. Примерно половина респондентов — ветераны Афганистана, половина — боевых действий на Северном Кавказе; чуть более 50 % состоят в ветеранских организациях, остальные не связаны с ними или отошли от их деятельности. Интервью записывались в основном в Нижнем Новгороде; два в Екатеринбурге, по одному в Санкт-Петербурге, Сыктывкаре и Чебоксарах. Их хронометраж составляет от 30 мин до 4,5 ч. Основная масса комбатантов — бывшие сержанты, прапорщики и младшие офицеры. Рядовые соглашались на запись реже, а в случае согласия говорят менее охотно. Старшие офицеры, наоборот, говорят очень много, но скорее не про собственный фронтный опыт, а про общую ситуацию в армии, технику и геополитическую обстановку. Эти различия, а также специфика «сеттинга»⁶, или общих рамок разговора о прошлом, накладывают существенные ограничения на выводы данной статьи, но не затрагивают ее основного тезиса о *двойной взаимосвязи* нарратива со стратегиями выживания на войне.

Собранные интервью позволяют услышать голос, по выражению Н. Даниловой, «хороших парней»⁷ — относительно успешных военнослужащих, чье поведение получило социальное одобрение в армии. Многие из них остались на службу по контракту или пошли работать в органы МВД. Однако в их воспоминаниях представления о нормативных стратегиях поведения могут существенно различаться. На этом фоне отклоняющиеся от нормативности голоса, которых оказывается достаточно много, представляют не меньший интерес: во-первых, они свидетельствуют о пролиферации армейских задач и многообразии фронтного опыта, полуосознанно используемого военной машиной для собственной модернизации в условиях «новых войн», а во-вторых, демонстрируют многообразие тактик субъективации, которые, как указывает М. де Серто⁸, во многом определяют процесс работы над своим прошлым, создавая дистанцию для саморефлексии.

В рамках этого диалога-коммеморации один из вопросов интервью — «Что такое “мужество” и кого из сослуживцев вы назвали бы “мужественным”?» — срабатывает в разных регистрах. Он может подтверждать гендерную нормативность, но в большинстве случаев оказывается скорее «точкой входа» — поводом для разговора и саморефлексии. Ответы на него могут быть прямыми и косвенными. В данном контексте попытка систематизации представлений комбатантов о мужестве следует за нарративными стратегиями интервью⁹.

Попытка феноменологического описания. Прежде всего отметим, что рассказы ветеранов связаны в основном не с экзистенциальным опытом, а с повседневной прагматикой военного быта¹⁰. Кроме отличающихся явной

назидательностью интервью полковников, рассказы весьма фрагментарны и представляют собой скорее ответы на вопросы, чем цельное, самостоятельное повествование. Вопрос о мужестве оказывается для многих не очень понятным. Александр (сержант, Чечня 1999–2000): «Даже не знаю, что тут сказать». Дмитрий (сержант Северный Кавказ 2000–2004): «Между собой об этом не говорят». Чаще всего ответ представляет собой некое краткое клишированное обобщение и/или рассказ о конкретном случае, причем их смысловой вектор (в одном и том же интервью) может существенно различаться.

Риторические обобщения в основном воспроизводят нормативные клише. Константин (полковник, Афганистан 1983–1985): «Мужество включает разные вещи. Во многом это воспитание: ребенку признать, что ты совершил нехороший поступок нужно мужество; отстаивать свое мнение, если оно противоречит другим». В центре внимания оказывается этос *профессионализма* — действия «по обстоятельствам, а не по уставу», позволяющие и выполнить приказ, и сохранить жизни всех участников боевой группы. Хотя «воинский профессионализм» по-разному понимается комбатантами, он всегда опирается на такие важные составляющие, как прагматическая эффективность и поддержание статуса своей (микро)группы. Гендерная нормативность мужества здесь состоит не столько в противопоставлении полов, сколько в выстраивании иерархии по отношению к поведению других категорий военнослужащих («штабных», «чуханов», «отморозков» и т. д.¹¹). Николай (капитан, Афганистан 1987–1989): «Если он [офицер] нормальный мужик, то это сразу видно — он думает о бойцах... На войне этого не скрыть — или ты нормальный мужик, вояка, или ты отморозок, и с тобой тогда никто дела иметь не будет». Метафора «мужской работы» применительно к военным действиям встречается у ветеранов Северного Кавказа гораздо чаще, чем у афганцев, что связано со специфическим характером конфликта (растянутость контртеррористической операции во времени и неопределенность ее социально-политических рамок) и исчезновением советской идеологической риторики.

Высказывания ветеранов о мужестве во многом связаны с чувством солидарности и *ответственности* за товарищей («фронтовым братством»). Отсылки к нему чаще звучат в интервью рядовых, чем у офицеров; в основном у тех, кто получил ранения или контузии — в предельной форме ощутил на себе важность взаимопомощи. Александр С. (сержант, Афганистан 1985–1987): «Я считаю, мужество — это когда человек в беде друзей не предает. У нас частенько бывало, что в окружение попадали. — А можно какой-то пример? — Если друзей обижают, ты себя уже не бережешь. Бывало за раненым лезет товарищ и погибает, и не один. Но мы все равно вытаскивали своих, не оставляли... А вот еще вспомнил: когда разведвзвод с другого батальона в окружение попал. Вышел командир батальона, говорит: надо вытаскивать. Я приказать не могу, потому что это гиблое дело — ночью, под обстрелом. Добровольцы есть? Вышло человек 15–20 со всего батальона. И они пошли. И один, ну, обгадился. Но он пошел! И комбат говорит: не дай Бог, кто-то его попрекнет или хоть слово скажет! Он сделал шаг, пошел вас выручать. Вот вам мужество: человек и боится, но ради друзей он сделал этот шаг. Пусть он обгадился, но никто его не попрекнул».

Мужество принадлежит к сфере обыденного и в этом смысле противопоставляется риторике *героизма* — «подвига» как экстраординарного события. Большинство ветеранов также подчеркивает не индивидуальный, а коллективный характер своих действий. Александр С.: «Это было в порядке вещей. Про меня вот друзья что-то такое говорят героическое. А я даже такого не помню. Я им говорю: вы, может, по пьяни там что-то путаете. Нет, они говорят, это было: ты побежал, и все за тобой. Но это в порядке вещей было. Я ничем не отличался от друзей. Если в тебя стреляют — ты бежишь. Тогда мы просто залегли неудачно — у меня ноги над пропастью висели, я и побежал». Такие действия валоризируются задним числом, особенно если бой закончился гибелью товарища. Владимир (лейтенант, Афганистан 1984–1986): «Сашка Чихирев, мой товарищ, с которым мы вместе учились, погиб в свой день рождения 4 марта. Он прыгнул в высохшее русло речки за бойцом и закрыл собой товарища. Или прапорщик первой роты во время боя залетел в дувал, его подстрелили. Он лежит и благим матом кричит, а дух засел в засаду и ждет. А дембеля у нас после приказа вообще на войну не ходили — они уже “граждане”. Но тут комбат к ним перед боем подошел, объяснил ситуацию: бой будет тяжелый, среди молодых могут быть большие потери. И они пошли. И вот один такой гражданин кинулся вытаскивать прапорщика. И погиб. Потом второй, третий. Они прекрасно знали, что их могут положить, но раненого надо вытащить. Хотите мужеством это называйте, хотите героизмом». Значимость личной памяти о товарищах здесь оказывается основой нормативной морализаторской оценки («хотите мужеством это называйте, хотите героизмом»).

Возможно, именно эту субъективную память и полуосознанные представления государство попыталось закрепить и использовать в политических целях через награждение *орденом Мужества*, учрежденным в 1994 г. Четверо респондентов (участников боевых действий на Северном Кавказе) с некоторой иронией поставили именно эту награду в центр своего ответа. Однако вряд ли подобного рода высказывания можно напрямую назвать интернализацией государственной политики. Алексей (старшина, Северный Кавказ 2001–2016): «Мне кажется, мужество и героизм у нас государство разделило. Если ты совершил не очень большой подвиг — тебе орден мужества. А если большой подвиг — то тебе звезду героя. Им там наверху виднее, кому что вручать. — А вы сами с товарищами эти слова используете? Или кого из сослуживцев считаете мужественным? — Я про своих говорить не буду. Человек может быть дурак-дураком. Но ему может просто фантастически везти. Полез он, скажем, куда никто и не полезет. Повезло ему раз, повезло два. А в книжках напишут, что он герой. А он может куда-то по пьяни залез, а куда-то не от большого ума».

Отрицание, разногласия и казусы. Неожиданно часто, особенно у комбатантов 1990-х гг., вопрос о мужестве вызывает несогласие. Борис (прапорщик, Северный Кавказ 1995–1996, 1999): «Мужество — это ваша фантазия. Вот вы, историки, с ней и разбирайтесь. А я про это ничего не знаю». Александр Ш. (сержант, Чечня 1999–2000): «У нас все ребята нормальные были. А мужество — это глупость. Это когда они, скорее всего, не понимают, что вокруг

происходит». Возможно, такое отрицание связано с попыткой подчеркнуть важность повседневной солидарности, ее прагматический характер. Валера К. (сержант, Афганистан 1985–1987): «Мужества и героизма не должно быть на войне. Война — это рутина. Там у каждого свои не очень сложные задачи. А вот когда боеприпасы не подвезли или кто-то что-то прошляпил, — вот тогда приходится говорить о мужестве и героизме». Неприятие здесь вызывает предположение об экстраординарности нормативного поведения.

Во многом отрицание (как и первоначальное несогласие с вопросом о страхе и предчувствиях) связано с поиском адекватного языка для выражения своего опыта. Алексей К. (лейтенант, Северный Кавказ 1999–2000): «Меня несколько раз к ребенку в школу звали рассказать о войне. Я не люблю этого. Врать я не люблю, а правду им рассказывать страшно». Возможно, именно поэтому некоторые комбатанты в ответ на вопрос о мужестве рассказывают эпизод, который сложно интерпретировать однозначно. Олег (полковник, Афганистан 1982–1984): «— А что такое мужество? — Ой, я вам скажу, это такая штука... Что такое война — это страх, страх потерять жизнь. Она одна эта жизнь. И во имя чего? Ну, вот какие-то политики тебя посылают, и ты должен сказать “есть” и идти там все такое делать. Поэтому есть трусы, которые никуда не лезут. Есть основная масса. А есть ребята — вот я на одного капитана смотрел — у него было два ордена Красной Звезды! Он командир разведроты был. Надо было ему заменяться — прибыл на замену сменщик. Но он пошел на операцию — показать прямо на месте, как и что, потому что тот, салага, еще ничего не понимает. Ну и подорвался... Это такое горе было. Как они плакали, эти пацаны. Это их любимый командир роты был. И они поставили семь коек пустых на улице — ребят, которые погибли. Елки... Я уж издалека посмотрел, нет, думаю, не пойду — слишком тяжело». С одной стороны, речь идет о преодолении страха и мужестве как готовности к самопожертвованию, чтобы сохранить жизни товарищей («молодых»). С другой — эпизод оказывается слишком трагическим, акцент делается именно на потерю, а не на мужество. На уточняющий вопрос о том, можно ли мужество приравнять к ответственности за других, Олег уточняет: «У меня другие задачи. У нас бой был в Пули-Хумри. Сразу поступает шесть убитых и несколько раненых. Надо немедленно докладывать в Москву. — Да что вы там делаете?! Да почему?! Елки... Оказывается, лейтенанту стало страшно — они пошли не цепью, гуськом друг за другом. Одна очередь — всех солдат положили. А он жив. Тудыть твою мать, что ты наделал?! Но надо докладывать. Начмеду: слушай, мы доложим, что трое убито; а завтра ты доложишь, что еще трое скончались от ран. Чтобы не сразу шесть человек. Ой, господи, ну как это все пережить!» К понятию мужества эта тирада имеет уже совсем косвенное отношение. Трудно сказать, почему Олег рассказывает историю именно в таком ключе: мужество погибшего становится лишь фоном для выражения скорби и признания элемента собственной ответственности. Рассказ носит весьма амбивалентный характер и не укладывается в рамки какого-то линейного (в том числе экзистенциального) нарратива.

Иногда ответы ветеранов фиксируют разногласия с сослуживцами. Игорь Ф. (капитан, Северный Кавказ 1995–1996): «Мужество у всех по-разному про-

является, и однозначно сказать трудно... Встать и сказать негодяю в лицо, что он негодяй — это мужество? Да, это мужество. Особенно когда негодяй при погонах и занимает высокую должность. А на войне проявить себя... Как вам сказать... Есть человек — разгильдяй. А на войне ты думаешь — какой он классный парень! А потом здесь он опять разгильдяй! А есть наоборот. Вот ситуация. К этому человеку я перестал относиться как к своему товарищу. Мы стоим на блокпосту. Он берет гранатомет: — Сейчас я по школе отстреляюсь. — Положи. — А вдруг там кто-то идет. — Положи. — Нет, ты объясни. (Он такой же офицер, но я старше по званию). — Ты что, сам не понимаешь? — Нет, не понимаю. — Я не буду тебе ничего объяснять. Товарищ лейтенант, положите гранатомет. Я вам приказываю. Иначе я вызываю наряд и пишу рапорт. — Ах, вот ты как... Второй случай: мы в Комсомольском. Я его бужу: — Иди на пост. — Я автомат вынес, значит встал... Для меня этот человек перестал существовать. Я считаю, что такому человеку не место в подразделении». Подобного рода разногласия свидетельствуют о поиске адекватной стратегии поведения. Нормализация в экстраординарных условиях выполняет иную функцию, чем в мирное время: она лишь отчасти поддерживает иерархию, а главное, обеспечивает коллективное выживание, для которого ответственность и взаимная поддержка играют ключевую роль.

Еще одну любопытную группу ответов на вопрос о мужестве составляют эпизоды, связанные с телесностью опыта, чаще всего весьма приземленной, «низовой». Леонид (сержант, Афганистан 1985–1987): «Что такое мужество? — Вопрос хороший, но такой идеалистический. Это же через ситуации проявляется, иногда через бытовые. Я вам приведу пример, абсолютно не относящийся к героизму, но на моей памяти он остался. Вот сержантская учебка, дед заходит в туалет, а там кто-то сидит. И дед его начинает прессовать, а тот сидит. Представьте, в какой позе он сидит. Сидит как сидит. Но потом просто встал, вмазал сержанту, и все. Это быть может не мужество, но это абсолютно конкретная ситуация, где человек даже в такой позе не потерял свое человеческое достоинство». Похожие рассказы встречаются как минимум у четырех респондентов. Наверняка сторонники фрейдовского психоанализа не преминули бы поиронизировать по этому поводу. Однако такая интерпретация предполагает вчитывание дополнительных смыслов, с которыми сами ветераны наверняка бы не согласились. Вместе с тем телесность (даже без упоминания категории мужества) предельно важна для ветеранов — она позволяет артикулировать общие бессознательные установки и габитусы. Мужество оказывается не столько осознанной аксиологической установкой, сколько полусознанным эффектом групповой интеграции, проявляющимся в том числе на телесном уровне.

Как известно, предложенное П. Бурдые понятие габитуса относится к телесным проявлениям самообладания и достоинства (поза, жесты, стратегии поведения), отличающимся в формальных и неформальных группах¹². Андрей (сержант, Северный Кавказ 1995–1996): «Можно просто пять минут поговорить человеком, и будет ясно — служил он или не служил, был на войне или не был. Это сразу видно — по голосу, по движениям, как он держит себя».

Особенно для кадровых офицеров армии и МВД телесная составляющая поведения оказывается важной частью поддержания своего социального статуса. Однако она вызывает иронию у других групп военнослужащих, прежде всего у подчиненных. Игорь В. (лейтенант, Северный Кавказ 1999–2000): «Было забавно наблюдать, как растет самомнение старшего офицера с назначением на вышестоящую должность или после присвоения звания. Можно отметить прямо-таки физиологическое изменение в короткие сроки — вальяжность в движениях, характерные движения руками (неторопливые, властные). Если раньше он просто в направлении указывал пальцем, то теперь направление указывалось всей дланью — как на картинах или у монументов царей и полководцев. От некоторых просто перло каким-то барством. И было весьма забавно, когда все резко менялось и старший офицер вел себя по-старинке (наверное, забывался)». В этом смысле габитусы социально конструируются и призваны продемонстрировать достоинство, прежде всего в «судьбоносной» (П. Бурдые) активности.

Концепт *достоинства* во многом пересекается с обсуждаемой проблематикой мужества. Валера П. (сержант, Афганистан 1986–1988): «Главное, мы через это прошли и не потеряли достоинство — не стали стукачами и не сломались». Хотя современный теоретический интерес к этому понятию предполагает коммуитарную его трактовку — делает акцент не на иерархическом статусе, но на автономии субъекта, его способности самостоятельно принимать рациональные решения и отстаивать их в публичной сфере¹³, — в рассказах ветеранов данный концепт оказывается более приземленным, связанным с самоконтролем и преодолением страдания, с коллективной прагматикой выживания. Безусловно, он предполагает признание равенства статуса на соответствующей ступени в армейской иерархии. По отношению к подчиненным такая установка не исключает использования элементов насилия. Последнее оказывается не просто механическим средством демонстрации своей власти и поддержания дисциплины, но и (в сочетании со специфической опекой) свидетельством самостоятельного действия. Борис Е. (подполковник, Северный Кавказ 1995, 1999–2000): «Поначалу я их [солдат] бил и целый день гонял. Надо было дисциплину навести... А когда я уезжал, я с собой двух бойцов увез. Пришел в штаб и сказал: их я забираю, они свое отвоевали». Мужество в этом контексте выполняет прежде всего функцию стоического преодоления трудностей. Борис Е.: «Мужество — это когда ты преодолеваешь самого себя, постоянно». При этом и забота о подчиненных, и собственное выживание требуют активных действий, а не просто пассивного стоицизма.

Таким образом, концепт «мужество» (как и ирония или молчание) может выполнять разные функции в организации опыта ветеранов. Ограничиться простой классификацией их высказываний вряд ли получится. Хотя, разумеется, не стоит впадать в противоположную крайность и делать ставку на отвлеченные интерпретации неотрефлексированного опыта. Эти интерпретации возможны лишь тогда, когда феноменологические описания собраны в достаточном объеме, — в таком случае они могут оказаться актуальны применительно к тем проблемам, о которых пока ветераны редко упоминают в своих интервью.

Одной из таких сфер могут оказаться сексуальные отношения, традиционно относящиеся к весьма приватной сфере, которую не принято обсуждать с посторонними. Высказывания на эту тему остаются на периферии нарратива и представляются скорее оговорками, расширить их в рамках сложившегося «сеттинга» проблематично.

Собранные нами описания мужества в воспоминаниях ветеранов нуждаются в дальнейшем уточнении. Необходим анализ взаимосвязи данного концепта со смежными топосами (страх, фатализм, фронтовое братство), а также их соотнесение с широким спектром практических действий. Однако движение в этом направлении должно быть двусторонним: не только прояснять феноменологию опыта, но и проблематизировать антропологические интерпретации, а также связанные с ними понятия (аффект, уязвимость, травма и т. д.) — эмпирически «заземлять» их, уточнять рамки их продуктивности. Это особенно актуально применительно к телесным габитусам, значение которых растёт ещё и ввиду популярности у ветеранов метонимического (материалистического) языка описания фронтового опыта. Слабость литературных метафор усиливает специфический «физикализм», привычно связываемый с нормативным мужским габитусом, что подгоняет те казусы, которые не укладываются в нормативные рамки, под сложившиеся формы репрезентации.

Хотя в центре феноменологических описаний мужества в воспоминаниях ветеранов в основном оказываются нормативные представления об ответственности и солидарности, в ходе интервью нормативность вступает в достаточно противоречивые отношения с казусами, не уместяющимися в общую рамку. Кроме того, эти противоречия накладываются на сложности соотнесения осознаваемых установок и неотрефлексированных габитусов. В результате по ходу беседы роль клише значительно сокращается, а внимание к телесным практикам (габитусам) и проблематизация нормативных клише о войне, наоборот, существенно возрастают. В этом контексте противопоставлять экзистенциальные установки и социально закреплённую коллективную память ветеранов оказывается не очень продуктивно. Более перспективным представляется прояснение *функций* нарративных самоидентификаций, нацеленных на поддержание своего статуса и/или поиск адекватных форм выражения фронтового опыта.

Как справедливо отмечает К. Маклиш, военная машина работает, постоянно ломаясь¹⁴. Задача военно-исторической антропологии — выявлять эти разломы: нестыковку нарративов замполитов и солдат; участников военных действий в Афганистане и на Северном Кавказе; различие тропов иронии и романтических метафор; нестыковку соревновательных тактик «культуры войны», по выражению М. ван Кревельда¹⁵, — и предлагать комбатантам альтернативные возможности выражения фронтового опыта (не подменяя их выбор новыми заготовленными клише). Социальный конструктивизм (включая значительную часть гендерной критики), как и наивный психологический экзистенциализм, стирают эти различия и их прагматическую укоренённость во фронтовом опыте выживания, не предлагая взамен ничего, кроме сомнительного редуктивистского объяснения, не очень нужного самим комбатантам. В большей степени

это касается телесных габитусов и практик. Поэтому представляется перспективным анализ двойной связи между феноменологией опыта и подвижностью нарративных тактик в рассказах ветеранов.

¹ Так, Е. С. Сеньявская рассматривает мужество как психологическую устойчивость в состоянии «пограничной ситуации» или «бытия к смерти» (*Сеньявская Е. С.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999. С. 49).

² См., напр.: *Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / пер. Т. Барчуновой. М., 2015.

³ См., напр.: *Eichler M.* Militarizing Men: Gender, Conscription, and War in Post-Soviet Russia. Stanford, 2012; *Зверева Г. И.* «Работа для мужчин»? Чеченская война в массовом кино России // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/zver.html> (дата обращения: 03.07.2018); и др.

⁴ См. об этом: *Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare?* / ed. by S. Scheipers. New York, 2014. P. 227.

⁵ Я. Плампер в статье, посвященной признанию страха в военной психологии XIX–XX вв., показывает, насколько дискурсивные рамки (выбор медицинского, психологического или морального словаря) влияют на регистрацию феномена, его типологию и выявление ключевых признаков (*Плампер Я.* Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии XX века // *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций* / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахад, М. Элли. М., 2010. С. 401–430).

⁶ См. об этом: *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012. С. 18–19.

⁷ *Данилова Н. Ю.* Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. № 2. С. 110–126.

⁸ *Серто М. де.* Изобретение повседневности / пер. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013.

⁹ Об этой специфике интервью и биографического метода см.: *Веселкова Н. В.* Полуформализованное интервью // *Социологический журнал*. 1994. № 3. С. 103–109; *Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В.* Об основных векторах развития метода интервью // *Социологические исследования*. 2017. № 6. С. 44–56; *Рождественская Е. Ю.* Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2010. № 30. С. 5–26.

¹⁰ Подробнее см.: *Николаи Ф. В.* Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // *Диалог со временем*. 2016. № 54. С. 238–250.

¹¹ См. об этом: *Данилова Н. Ю.* Срочники, пиджаки, профессионалы... С. 116; *Eichler M.* Militarizing Men... P. 6–7.

¹² *Бурдые П.* Практический смысл / пер. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. СПб., 2001.

¹³ См. об этом: *Маргалит А.* Человеческое достоинство между китчем и обожествлением // *Новое литературное обозрение*. 2018. № 3 С. 13–27; *Савицкий Е. Е.* История и апология достоинства в современной англо-американской философии // *Новое литературное обозрение*. 2018. № 3. С. 322–334.

¹⁴ *MacLeish K.* “What Makes the War”: Everyday Life in a Military Community. PhD Diss. The University of Texas at Austin, 2010. P. 9.

¹⁵ *Crevelde M. van.* The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz. New York, 1991.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2018 г.

Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Николаи Ф. В., Мордвинов А. А. Концепт «мужество» в воспоминаниях ветеранов локальных войн: на стыке устной истории и феноменологии фронтового опыта // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 2. С. 515–525. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.213> УДК 94(47).084.9, 94(470)

Аннотация: В статье рассматриваются представления российских участников локальных конфликтов о мужестве. Анализируются ограничения популярной в отечественной историографии экзистенциалистской стратегии интерпретации фронтового опыта и конструктивистской трактовки маскулинности, преобладающей в западной историографии. Скорректировать их может систематизация феноменологических описаний фронтового опыта, представленная в полужурналистских интервью, записанных авторами статьи в 2013–2018 гг. В центре нормативных представлений ветеранов о мужестве оказываются идеи ответственности и солидарности. В ходе интервью эта нормативность вступает в сложные и противоречивые отношения с казусами, не укладывающимися в общую рамку. Вместе с тем эти противоречия накладываются на сложности соотнесения осознаваемых установок и неотрефлексированных габитусов. В результате по ходу беседы роль клише значительно сокращается, а внимание к телесным практикам, наоборот, растет, поэтому противопоставлять экзистенциальные установки и социально закрепленную «коллективную память» ветеранов оказывается не очень продуктивно. Более перспективным представляется прояснение функций нарративных самоидентификаций, нацеленных на поддержание своего статуса/достоинства и поиск адекватных форм выражения фронтового опыта. Различие представлений комбатантов и официальной армейской риторики свидетельствует о серьезном напряжении, которое вызывает пролиферация тактик субъективации участников «новых войн». В этом смысле военная машина работает, постоянно ломаясь, и задача военно-исторической антропологии — выявлять эти разломы (нестыковку нарративов замполитов и солдат, участников военных действий в Афганистане и на Северном Кавказе, различие тропов иронии и романтических метафор, нестыковку соревновательных тактик «культуры войны») и предлагать комбатантам альтернативные возможности выражения фронтового опыта, не подменяя их выбор новым набором заготовленных клише.

Ключевые слова: устная история, нарративы, ветераны, локальные конфликты, мужество, достоинство, маскулинность.

Сведения об авторах: Николаи Ф. В. — канд. ист. наук, доц., Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия); fvnik@list.ru | Мордвинов А. А. — канд. филос. наук, доц., Приволжский исследовательский медицинский университет (Нижний Новгород, Россия); socgunmgma@bk.ru

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия, 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

Приволжский исследовательский медицинский университет, Россия, 603005, Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1

FOR CITATION

Nikolai F.V., Mordvinov A. A. 'The Concept of "Courage" in Memories of Veterans of Local Wars: The Intersection of Oral History and Phenomenology of the Front-line Experience', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 515–525. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.213>

Abstract: This article analyzes the limits of existentialist and constructivist strategies of interpreting the front-line experience. Phenomenological descriptions of that experience are presented in semi-formalized interviews, collected by the authors in 2013–2018. Responsibility and solidarity are at the center of veterans' normative representations of courage. But it is important to note that during interviews, this normativity enters into complex and contradictory relations with incidents that do not fit the general framework. On the other hand, these contradic-

tions are superimposed on the difficulty of relating perceived attitudes and unreflected habits. As a result, during the conversation, the role of the cliché is significantly reduced, and attention to bodily practices, on the contrary, grows. In this context, opposing the existential attitudes and socially fixed “collective memory” of veterans is not effective. More promising is the clarification of a narrative self-identifications whose functions aimed at maintaining status/ dignity and the search for adequate forms of expression of the front-line experience. The difference in the views of combatants and official army rhetoric indicates a serious strain caused by the proliferation of tactics of subjectivization of participants of the “new wars.” In this sense, the military machine works, constantly breaking down. And the task of military-historical anthropology is to identify these faults: the discrepancy between the narratives of politicians and soldiers; participants in hostilities in Afghanistan and the North Caucasus; the distinction of irony and romantic metaphors; the discrepancy of the competitive tactics of the “culture of war”; and to offer combatants alternative ways of expressing front-line experience (without replacing their choice with a new set of prepared clichés).

Keywords: oral history, narratives, veterans, local conflicts, courage, dignity, masculinity.

Authors: *Nikolai F. V.* — PhD, Associate Professor, K. Minin Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia); fvnk@list.ru | *Mordvinov A. A.* — PhD, Associate Professor, Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod, Russia); socgumngma@bk.ru

K. Minin Nizhny Novgorod State University, 1, ul. Ulyanova, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

Privolzhsky Research Medical University, 10/1, pl. Minina i Pozharskogo, Nizhny Novgorod, 603005, Russia

References:

- Bourdieu P. *Prakticheskii smysl*, transl. A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaia, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko (St. Petersburg, 2001).
- Certeau M. de. *Izobretenie povsednevnosti*, transl. D. Kalugin, N. Movnina (St. Petersburg, 2013).
- Connell R. *Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika*. transl. T. Barchunova (Moscow, 2015).
- Creveld M. van. *The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz* (New York, 1991).
- Daniilova N. Yu. 'Srochniki, pidzhaki, professionaly: muzhestvennosti uchastnikov postsovetskikh vojn', *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 2, 2005.
- Eichler M. *Militarizing Men: Gender, Conscription, and War in Post-Soviet Russia* (Stanford, 2012).
- Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare?*, ed. by S. Scheipers (New York, 2014).
- MacLeish K. *“What Makes the War”: Everyday Life in a Military Community* [PhD Dissertation] (Austin, 2010).
- Margalit A. 'Chelovecheskoe dostoinstvo mezhdru kitchem i obozhestvleniem', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, 2018.
- Niethammer L. *Voprosy k nemetskoj pamiat. Stat'i po ustnoi istorii* (Moscow, 2012).
- Nikolai F. V. 'Pamiat', narrativ i taktiki samoidentifikatsii veteranov lokal'nykh konfliktov v Rossii', *Dialog so vremenem*, no. 54, 2016.
- Plamper J. 'Strakh: soldaty i emotsii v istorii voennoi psikhologii XX veka', *Rossiiskaia imperiia chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii*, eds J. Plamper, Sch. Shahadat, M. Elie (Moscow, 2010).
- Rozhdstvenskaia E. Yu. 'Narrativnaia identichnost' v avtobiograficheskom interv'iu', *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, no. 30, 2010.
- Savitskiy E. E. 'Istorii i apologiia dostoinstva v sovremennoi anglo-amerikanskoi filosofii', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3, 2018.
- Seniavskaia E. S. *Psikhologiya voyny v XX v.: istoricheskii opyt Rossii* (Moscow, 1999).
- Veselkova N. V. 'Poluformalizovannoe interv'iu', *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, 1994.
- Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Priamikova E. V. 'Ob osnovnykh vektorakh razvitiia metoda interv'iu', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, 2017.
- Zvereva G. I. "“Rabota dlia muzhchin”? Chechenskaia voina v massovom kino Rossii", *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6, 2002.

Received: September 4, 2018

Accepted: February 18, 2019